

Станислав
Васильевич
ТЮТЮКИН

Избранные труды

2022-7
8862

а

Станислав Васильевич Тютюкин

Избранные труды

СОБРАНИЕ

Москва • 2022

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	5
---------------------------	---

Раздел первый

Теоретические и методологические проблемы

К вопросу о «революционном шовинизме» в годы Первой мировой войны	9
К истории создания статьи В.И.Ленина «О лозунге Соединенных Штатов Европы»	23
Гегемония пролетариата на буржуазно-демократическом этапе революцион- ного движения в России: к теории и историографии вопроса.	48
Трудные дороги российской модернизации. Выступление на круглом столе «Власть и реформы в России»	63
Россия XIX — начала XX в. и вызовы времени	69

Раздел второй

Общественная мысль и социальные движения в России

Международное значение революции 1905–1907 годов: ленинская концепция и историография проблемы	105
Феномен массовых социальных движений	126
Реформы и революция 1905–1907 гг.	171
Последний шанс императорской России	179
Попытки либерализации самодержавного строя в России	185
Россия в царствование Николая I	193
Социал-демократическая модель общественного переустройства России	201
1905 г.: борьба за демократизацию России или «премьера русского абсурда»?	271
Россия: от Великой войны — к Великой революции	278
Начало Первой мировой войны и российская государственность	319

Раздел третий

Политические партии в России

«Оппозиция Его Величества» (партия кадетов в 1905–1917 гг.)	331
Меньшевики	361

СОДЕРЖАНИЕ

Меньшевизм как идейно-политический феномен	374
Рождение российской многопартийности	395
Социалистические партии России в годы Первой мировой войны	417

Раздел четвертый Биографии

Страница биографии Г.В.Чичерина (1914–1917 гг.)	457
Г.В.Плеханов	476
Лев Давидович Троцкий	520
Ленин и Бухарин: леворадикальное крыло марксизма в период Первой мировой войны	561
Ю.О.Мартов	574
Сергей Юльевич Витте и революция 1905–1907 гг. в России	587
Интеллект, побежденный властью: Александр I и М.М.Сперанский. Из материалов по проблеме «Власть и интеллект в императорской России»	594
Больше, чем любовь. (Граф Николай Шереметев и крепостная актриса Прасковья Ковалёва-Жемчугова)	606
Г.В.Плеханов и В.И.Ленин: штрихи к политическим портретам	620
Георгий Валентинович Плеханов	625
Александр Керенский: на пути к власти	653
Г.В.Плеханов и его так называемое «политическое завещание». (К 150-летию со дня рождения «отца русского марксизма»).	668

ПРИЛОЖЕНИЕ Воспоминания

И.Х.Урилов. Вновь и снова	676
И.М.Пушкарева. «Развивая идеи и дух просвещения, гуманизма и прогресса...»: С.В.Тютюкин и Дом Плеханова Российской национальной библиотеки	677
Г.З.Иоффе. Один из лучших историков нашего поколения	681
Ёсиро Икэда. Историк эпохи коренного перелома	682
В.Н.Казарин. Станислав Васильевич Тютюкин как ученый-педагог: страницы воспоминаний и ретроспективный анализ.	684
В.Ю.Карнишин. Становление историка и исследования Станислава Васильевича Тютюкина (частные заметки)	696
В.Л.Телицын. Что я помню	699
К.Н.Морозов. Воспоминания о С.В.Тютюкине	703
И.С.Удальцов. О сделанном и предстоящем	707
И.С.Удальцов. Станислав Васильевич Тютюкин. Краткий очерк биографии	713

Г.В.Плеханов и его так называемое «политическое завещание». (К 150-летию со дня рождения «отца русского марксизма»)¹

В декабре 2006 г. исполнилось 150 лет со дня рождения выдающегося революционера, общественного деятеля и мыслителя России Георгия Валентиновича Плеханова (1856–1918). Он по праву занимает место в пантеоне выдающихся людей России, хотя сегодня у многих те страницы его биографии, которые напрямую связаны с историей революционного движения, вызывают чувство отторжения и даже прямое осуждение. Тем не менее щедрая одаренность и тонкость его натуры, мощный интеллект, несомненное ораторское и публицистическое дарование и колоссальная эрудиция (при отсутствии высшего образования) заметно выделяли Плеханова из большой группы российских революционных лидеров последней четверти XIX — начала XX в.

Связав с 20-летнего возраста свою судьбу с народническим революционным движением, сын мелкопоместного тамбовского дворянина Георгий Плеханов уже через несколько лет вынужден был эмигрировать, а затем тяжелая болезнь и усиление политической реакции в России помешали ему вернуться на родину и снова включиться в практическую борьбу с самодержавным режимом. Обратной стороной столь необычной судьбы стало значительное расширение диапазона его литературно-публицистической деятельности, включавшей в себя занятия философией, историей, литературоведением и т.д., причем до сих пор представляют интерес, например, его взгляды на механизмы развития исторического процесса, роль выдающихся личностей и народных масс в истории, влияние природной среды на судьбы отдельных народов и государств. При всей спорности ряда суждений Плеханова и его склонности к излишней схематизации исторического процесса в духе марксистского исторического материализма, можно лишь пожалеть о том, что незавершенной осталась задуманная им многотомная «История русской общественной мысли», первые тома которой (М., 1914–1917. Т. 1–3) охватывали большой период российской истории с глубокой древности до конца XVIII в. Заметим, что с начала 1880-х годов и до конца своих дней Плеханов сохранял верность марксистскому учению, основные положения которого представля-

¹ Оубл.: Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов и его так называемое «политическое завещание» // Археографический ежегодник. 2006 год. М.: Наука, 2011. С. 261–267.

лись ему логичными и убедительными, хотя при его жизни они еще не прошли испытания социальной практикой, а первый опыт применения марксизма в России в его специфической ленинской интерпретации (которую Плеханов считал вульгаризацией, а отчасти и прямым извращением теоретических взглядов Маркса и Энгельса) вызвал у него лишь чувство отвращения и губочайшего разочарования.

При наличии ряда весьма непривлекательных черт характера (значительная доля высокомерия и обособленность от товарищей по революционной работе, повышенная амбициозность, гипертрофированное честолюбие, резкие перепады настроений и т.д.), усугублявшихся тяжелой болезнью (туберкулез) и 37-летней эмиграцией, Плеханов обладал и многими качествами, которые отличали его от Ленина, Троцкого и тем более Сталина. Недаром Ленин писал в свое время об «особой позиции» Плеханова в вопросах стратегии и тактики революционного движения, которая выделяла его среди других вождей РСДРП. Так, будучи в молодости народником, он не стал народовольцем-террористом, а перейдя в начале 1880-х гг. на позиции марксизма, не превратился затем ни в «настоящего» меньшевика, ни тем более в «настоящего» большевика, оказавшись организационно под конец жизни вне обеих этих марксистских партий. Плеханов был значительно тверже и последовательнее подавляющего большинства меньшевиков, но чем дальше, тем больше расходился и с большевиками, став в 1917–1918 гг. уже не просто оппонентом, а настоящим антиподом Ленина. Кстати говоря, категорическое неприятие им большевизма, ленинизма и Октябрьской революции во многом объясняет тот факт, что сегодня к Плеханову многие относятся совсем не так враждебно, как к Ленину или Сталину. Причиной такого неприятия был тот факт, что в 1914–1918 гг. Плеханов решительно разошелся с Лениным по основным вопросам, связанным с оценкой войны, мира и революции, резко осудил установление диктатуры большевиков в октябре 1917 г., не призывая, однако, рабочих к открытой борьбе с нею. Он умер непримиримым противником большевизма, хотя Ленин искренне считал себя учеником Плеханова и завещал молодым большевикам изучать его научное наследие.

В последние годы в России развернулась довольно острая дискуссия в связи с публикацией в конце 1999 г. апокрифического текста «Политического завещания»¹ Плеханова, где он якобы пересмотрел многие свои прежние взгляды на рабочий класс, революцию и социализм. И хотя я не раз уже высказывался по всем этим вопросам², позволю себе вернуться к ним здесь еще

¹ Независимая газета. 1999. 30 нояб. В подборку материалов вошли: Политическое завещание (последние мысли Г.В. Плеханова); *Дейч Л.Г.* Он диктовал на смертном одре; Вводные заметки В.Т.Третьякова; *Нижегородов Н.И.* Как этот документ попал в мои руки; *Бережанский А.С.* Примечания к последнему труду революционера и мыслителя; *Он же.* «Завещание» принадлежит именно Плеханову. (А.С.Бережанский был в то время директором музея Г.В.Плеханова в Липецке).

² См., например: *Тютюкин С.В.* Своеобразный историографический феномен // Свободная мысль — XXI. 2000. № 6. С. 86–89; *Канцевич Я.* Еще раз о «Политическом завещании» Г.В.Плеханова. // Отечественная история. 2000. № 6. С. 178–179; *Тютюкин С.В.* Комментарий к письму Яна Канцевича // Там же. С. 180–182.

раз, поскольку начавшаяся в 2000 г. дискуссия вокруг «Политического завещания» Плеханова продолжается до сих пор.

Для меня совершенно очевидно, что появление в ходе думской избирательной кампании 1999 г. сенсационной публикации, использующей имя Плеханова, призвано было нанести удар не только по Ленину и большевикам, которые-де завели страну в тоталитарный тупик, но и по их современным наследникам в лице КПРФ с тем, чтобы подорвать доверие части российского электората к коммунистам. При этом была сочинена следующая версия: умирающий Плеханов, находясь в санатории в Финляндии, якобы продиктовал своему старому другу по группе «Освобождение труда» Льву Дейчу весьма пространный текст с изложением своих мыслей о Ленине, большевиках и новой исторической эпохе, наступившей после ухода из жизни Маркса и Энгельса. В противовес Ленину Плеханов, судя по тексту «Завещания», полагал, что мировой капитализм еще не исчерпал своих потенций, о социализме (особенно в России) говорить еще рано, а пролетариат утратил свою роль главного двигателя общественного прогресса, уступив ее интеллигенции. Что касается большевиков, то они, по мнению якобы Георгия Валентиновича, являлись всего лишь политическими авантюристами и спекулянтами, а их приход к власти в октябре 1917 г. стал для России предвестником неизбежной в будущем национальной катастрофы (хотя последняя могла наступить, как якобы считал Плеханов, далеко не сразу).

Из опубликованных в том же номере «Независимой газеты» сопроводительных материалов вырисовывалась и совершенно фантастическая судьба «Завещания» после смерти Плеханова. Явно «несвоевременный» характер многих его мыслей в условиях советской России побудил Дейча к тому, чтобы после похорон друга поскорее избавиться от этого «взрывоопасного» документа. В результате его хранителями стали сначала племянник Георгия Валентиновича Сергей, у которого «Завещание» находилось с 1918 по 1937 г., потом еще один дальний родственник Плеханова Г.В. Барышев и наконец — ученик последнего в Липецком строительном техникуме П.И. Нижегородов, ставший в итоге публикатором данного материала. При этом текст «Завещания» в целях конспирации подвергался в сталинское время кодированию, потом расшифровывался, переписывался и т.д., так что нет никаких гарантий, что он, — если бы и был подлинным, — дошел до нас в своем первоизданном виде.

Характерно, что редакция газеты «Известия», куда сначала обратился работавший тогда по контракту в Африке Нижегородов, видимо, усомнилась в подлинности текста «Завещания» и потребовала проведения его научной экспертизы. Однако тогдашний редактор «Независимой газеты», а ныне известный московский политолог В.Т. Третьяков оказался смелее своих коллег и дал добро на публикацию этого сенсационного материала, оговорив, правда, возможность проведения в дальнейшем дискуссии по данному вопросу.

Этим приглашением и воспользовалась научная общественность, откликнувшаяся на предложение Третьякова. С одной стороны, это была

группа историков и философов (руководитель Дома Плеханова в Петербурге Т.И.Филимонова, доктора наук Е.Л.Петренко, А.А.Чернобаев и автор этих строк), а с другой — известный экономист, а ныне президент фонда им. Г.В.Плеханова профессор Г.Х.Попов. При этом первые доказывали, что «Завещание» Плеханова — это апокриф, тогда как Г.Х.Попов, хотя и с рядом оговорок, поддержал версию о его подлинности. Нелишне заметить, что редакция «Независимой газеты» очень долго (до 4 марта 2000 г.) задерживала публикацию нашего письма, дожидаясь, пока закончит свою работу Г.Х.Попов, призванный убедить читателей в подлинности «Завещания» и его большом теоретико-концептуальном значении.

Специалисты-плехановеды обстоятельно проанализировали и историческую обстановку, в которой якобы рождалось весной 1918 г. «Завещание», и сам его текст. Они подчеркивали, что состояние здоровья Плеханова уже не позволяло ему тогда продиктовать столь обширный и ответственный материал концептуального характера, да и жена Георгия Валентиновича Р.М.Боград-Плеханова, буквально не спускавшая глаз со своего мужа, ни в коем случае не разрешила бы ему заниматься столь изнурительной многодневной диктовкой, чреватой быстрым приближением физического конца дорогого ей человека.

Серьезные сомнения вызывал и сам текст «Завещания». Как известно, еще в 1921 г. в Париже был издан двухтомник последних произведений Плеханова 1917–1918 гг. под названием «Год на родине», включавший в себя практически все его публикации в газете «Единство» — органе социал-демократической группы того же названия, которую после возвращения из эмиграции в революционную Россию в последний день марта 1917 г. возглавил Георгий Валентинович. Анализ этих текстов позволяет утверждать, что ни их содержание, ни литературная форма не идут ни в какое сравнение ни с более ранними произведениями Плеханова, написанными в период расцвета его политической и литературной деятельности, ни с «Завещанием». Нет в них и намек на те политико-социологические «прозрения», которые мы находим в тексте «Завещания» и которые требуют даже от такого талантливого человека, каким был Плеханов, колоссальной концентрации мысли, физической энергии и интеллектуальной самодисциплины. Я убежден, что тяжелобольной человек, которому уже элементарно трудно было говорить и тем более следить за логикой изложения своих мыслей (а Плеханов весной 1918 г. находился именно в таком состоянии), продиктовать подобное «Завещание» не мог.

Читая «Завещание», трудно отделаться от мысли, что многие пассажи написаны с позиций сегодняшнего дня, ибо у Плеханова еще не было ни достаточного фактического материала для тех выводов, которые мы там находим, ни времени и сил для обдумывания и решения столь масштабных проблем. При этом обращает на себя внимание тот факт, что, допуская в принципе возможность наличия у Плеханова «соавтора» (или «соавторов»), Г.Х.Попов не попытался даже предположительно указать те места «Завещания», к которым относится его столь же многозначительная, сколь и туманная оговорка.

Между тем без подобных уточнений сама дискуссия по поводу «Завещания» теряет всякий смысл.

Улыбку вызывает и концовка «Завещания»: «В заключение изложу несколько строк, которые никогда не публиковать — передать будущему демократическому правительству России (...) Никогда не использовал чужих мыслей, но в данном случае она уместна: «Хиди те савилва ананим еамм». Питткеярви (20 – 7) + 4 = 18».

Во-первых, подобная манера письма абсолютно чужда Плеханову. Во-вторых, неясно, что скрывается за отточием в тексте и кому оно принадлежит? В-третьих, что значит фраза на каком-то «тарабарском» языке, которой заканчивается этот пассаж? В-четвертых, зачем понадобилось столь странным образом шифровать дату составления «Завещания»? Все эти вопросы оставлены его публикаторами без каких-либо комментариев. А жаль.

Обо всем этом говорилось и в упомянутом выше коллективном письме четырех авторов в редакцию «Независимой газеты», и в моем отклике на поступившее в «Отечественную историю» послание польского историка Яна Канцевича, который, кстати говоря, тоже не признавал подлинности «Завещания». Я вполне допускаю, что Г.Х.Попов не следит за перипетиями данной дискуссии, но ему как руководителю фонда им. Г.В.Плеханова следовало бы знать о ней хотя бы от своих референтов. Так или иначе, в своем выступлении на торжественном заседании в Колонном зале Дома союзов в Москве в декабре 2006 г., посвященном 150-летию со дня рождения Г.В.Плеханова, профессор Попов снова говорил о «Завещании» как о подлинном историческом документе, причём уже без всяких оговорок. Примерно с той же ситуацией мы сталкиваемся и в самой последней работе Г.Х.Попова на эту тему — небольшой, но очень емкой и тщательно продуманной автором статье «Марксистский метод против марксистской концепции («Политическое завещание» Г.В.Плеханова)»¹, хотя здесь опять появляется старый тезис о том, что «некоторые части текста (какие? — С.Т.) явно написаны кем-то уже после смерти Плеханова» (с. 122). При этом уважаемый профессор как будто не хочет замечать, что эта оговорка делает во многом беспредметным сам спор об авторстве Плеханова, обесценивает все похвалы в его адрес и делает дальнейшую полемику по данному вопросу нецелесообразной.

Создается впечатление, что Г.Х.Попову так хочется, чтобы «Завещание» было продиктовано Плехановым, что он готов закрыть глаза на все сомнения в подлинности его текста, о которых говорилось выше. При этом основной пафос его статьи направлен на то, чтобы подчеркнуть ведущую роль современной интеллигенции в производстве, науке, общественной и политической жизни и культуре. Он с сочувствием пишет о врачах, учителях и инженерах с их мизерными зарплатами и тяжелейшими условиями труда, призывает к объединению всех интеллектуалов и критикует бюрократические и партийные структуры за недооценку их роли, корпоративный эгоизм и социальную близорукость в данном вопросе, чреватые самыми негативными последстви-

¹ Вопросы экономики. 2007. № 2. С. 122–127. Далее ссылки на статью даны в тексте.

ями. Более того, Г.Х.Попов даже предлагает видоизменить существующую сегодня в России избирательную систему, дав на выборах образованным людям дополнительные голоса.

Характерно, что сам же Г.Х.Попов признает: гениальное предвидение Плеханова о новой роли интеллигенции оказалось в России неостребованным (с. 127). Вопрос заключается, однако, в том, действительно ли так называемое «Завещание» Плеханова и тем более его интерпретация и «творческое развитие» профессором Поповым отражают подлинные мысли «отца русского марксизма» в конце его жизни? Думается, что оснований для подобных утверждений у нас нет, ибо Плеханов до конца своих дней видел главную силу общественного развития в рабочем классе, а не в интеллигенции. Не случайно именно к петроградским рабочим обратился он в своей газете «Единство» 28 октября 1917 г. — всего через пару дней после установления в столице Петрограде советской власти — с открытым письмом, где разъяснял, что время для установления в России диктатуры пролетариата еще не пришло. Причем об интеллигенции в этом, несомненно, подлинном и знаковом для Плеханова документе нет ни слова.

Что касается идей гегемонии и тем более диктатуры пролетариата, то они, видимо, действительно отжили свой век: слишком изменился в XX столетии мир, совсем иным стал рабочий класс, слишком упал его былой авторитет среди других слоев общества. Нет уже и тех радикальных партий, которые делали бы ставку на рабочих и готовы были бы активно действовать в индустриальной среде и представлять интересы рабочих на общественно-политической арене. Кроме того, в современном демократическом обществе лозунги гегемонии и диктатуры одного класса, которые с трудом прививались в начале XX в. даже в России, фактически обречены на непонимание и отторжение. Это относится и к интеллигенции, слабыми сторонами которой всегда были разобщенность и излишняя амбициозность, во многом обесценивающая ее достоинства в глазах общества.

Вряд ли можно согласиться и с идеей Г.Х.Попова о предоставлении интеллигенции электоральных предпочтений, поскольку это был бы шаг назад от принятых во всем мире демократических процедур. Поэтому мне представляется, что в своих прогнозах Попов скорее выдает желаемое за действительное, чем исходит из российских реалий начала XXI в.

Справедливости ради нужно признать, что в своей последней статье на плехановскую тему он сделал несколько очень ценных и справедливых признаний, с которыми я вполне согласен. Во-первых, в отличие от многих современных публицистов, считающих, что в 1917–1918 гг. патриот России Плеханов уже не был марксистом, Г.Х.Попов этого не отрицает, как не хронит он и саму социалистическую идею. Во-вторых, он тщательно отделяет Плеханова не только от Ленина, но и от Бернштейна, тогда как многие современные историки и политологи полагают, что в 1914–1918 гг. Георгий Валентинович стал настоящим русским бернштейнцем.

Замечу уже от себя, что поддержка Плехановым в 1917 г. Временного правительства и идеи продолжения войны с Германией и Австро-Венгрией

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

до победного конца отнюдь не означали, на мой взгляд, его принципиального отречения от идей пролетарской революции и социализма. Думаю, что никакого идеологического разоружения, в чем в очень резкой форме упрекали тогда Плеханова большевики, в действительности все же не было. Да и осуждать его за патриотизм («социал-шовинизм»), как это делали Ленин и большевики, было несправедливо, особенно с учетом последующего провала идеи мировой революции, с расчетом на которую разрабатывалась большевистская тактика «революционного поражения», с таким трудом приживавшаяся в 1914–1917 гг. даже в большевистской партийной среде.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что юбилей Плеханова дает основание вновь поставить вопрос об издании полного собрания его сочинений и писем, поскольку 24-томное собрание под редакцией академика Д.Б.Рязанова давно стало библиографической редкостью. Вдобавок оно обогатилось на публикации работ Плеханова начала 1914 г. Литературно-публицистическое наследие периода Первой мировой войны, революции 1917 г. и первых месяцев советской власти в прекращенное Сталиным рязановское издание не вошло и до сих пор не переиздавалось. Думается, что решение этой задачи как раз и должен взять на себя фонд им. Г.В.Плеханова.